

артикуляционный – *артикуляцион*, *академический* – *академик* и др. Такое отсечение суффиксов и окончаний в крымскотатарском языке составляет целую систему и является закономерным. Такого рода имена прилагательные можно отнести к группе относительных имен прилагательных, которые **выражают то же значение, что и в заимствованном языке.**

Таким образом, в статье была осуществлена попытка определить семантические особенности относительных имен прилагательных в крымскотатарском языке и установить наиболее вероятный перечень их возможных значений. По своему значению относительные прилагательные могут обозначать: 1) признак по обладанию предметом; 2) признак по необладанию предметом; 3) временные признаки, количественно-временные и количественно-пространственные признаки; 4) признаки, характеризующиеся тем, что обозначено в основе; 5) признаки, которые выражают то же значение, что и в заимствованном языке.

Источники и литература:

1. Акьмоллаев Э. С. Кырымтатар тилинде -сыз/-сиз, -суз/-сюз аффикслерини ишлетюв хусусиетлери ве тарихы / Э. С. Акьмоллаев // Йылдыз. – 1995. – № 1. – С. 136-140.
2. Акьмоллаев Э. С. Сыфатларнынъ дереджелери ве эшьяларда аляметлернинъ ифаделенюв хусусиетлери. Сыфатларда аляметлернинъ эксик мыкьдарыны косьтерген аффикслернинъ тарихы. Устюнлик дереджеси ве онынъ тарихы / Э. С. Акьмоллаев // Йылдыз. – 1994. – № 6. – С. 167-190.
3. Ганиев Ф. А. Современный татарский литературный язык: Суффиксальное и фонетическое словообразование / Ф. А. Ганиев. – Казань : Дом печати, 2005. – 360 с.
4. Гаркавец А. Н. Ана тили. Пособие по крымскотатарскому языку для 7 класса / А. Н. Гаркавец. – К. : Радянська школа, 1988. – 168 с.
5. Гаркавец О. М. Великий крымскотатарско-росийско-український словник. / О. М. Гаркавец, С. М. Усейнов. – Симферополь : Сонат, 2002. – 270 с.
6. Грамматика современного удмурского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевощиков. – Ижевск : Удмурское книжное изд-во, 1962. – 376 с.
7. Грамматика финского языка. Фонетика и морфология / редкол.: Б. А. Серебренников, Г. М. Керт. – М., Л. : Академия наук СССР, 1958. – 298 с.
8. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков / Н. К. Дмитриев. – М. : Изд-во восточной лит., 1962. – 607 с.
9. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 570 с.
10. Меметов А. М. Земаневий кырымтатар тили / А. М. Меметов. – Симферополь : Кырым девлет окьув педагогика нешрияты, 2006. – 320 с.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М. : Наука, 1988. – 560 с.

Ганиева Э.С.

УДК 811.512.19'373

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМПОНЕНТОВ ГРУППЫ «ОРНИТОНИМЫ» В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Описание языка как средства отражения национальной ментальности – весьма актуальное направление современного языкознания. В этом аспекте лексические единицы, номинирующие представителей фауны, представляют определенный научный интерес.

Возникшие в языке в глубокой древности названия объектов живой природы (птиц, животных и др.) являются важным элементом культуры народа. Птицы и животные занимают значимое место в жизни и хозяйственной деятельности человека. Они являются объектом и средством охоты, служат для защиты урожая, имеют эстетическую ценность и др. Кроме того, образы птиц и животных – неотъемлемая составляющая устного народного творчества: песен, сказок, пословиц, поговорок и др. Поэтому собирание и изучение орнитонимов (орнитоним – от греч. *ornithos* «птица» и др. греч. *onima* «имя, название» – номинативная единица, представленная отдельным словом или сочетанием слов и служащая для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц) было весьма актуальным на разных этапах становления лингвистической науки. Так, определенное количество зоонимов зафиксировано в общетюркских памятниках письменности, таких как известный трактат А. Навои «Мухакамат ал-лугъатайн» («Суждение о двух языках») [7], лингвистический труд Махмуда Кашгарского «Диван-и лугъат-ит тюрк» («Собрание тюркских наречий»), старейший памятник крымскотатарского языка «Кодекс Куманикус» (XIII век). Этой теме посвящены монографические исследования и в современной тюркологии [5; 6]. В 2010 году выпущен словарь крымскотатарских названий птиц «*Kırım Tatarca Alem-i Taууarat*». В нем собраны и систематизированы 1858 орнитонимов с их латинскими эквивалентами. Это и научные обозначения птиц, и общеупотребительные названия [8].

Исследователи уделяют особое внимание изучению переносной семантики номинативных единиц группы «орнитонимы», так как эти значения являются отражением национально-культурных особенностей мышления этноса. По мнению ученых, разные виды значений слов по-разному служат отражению и закреплению в языке успехов познавательной деятельности народа [1, с. 187]. Изучение переносных значений зоонимов позволяет более полно описать семантическую составляющую языка.

Систематизация исследуемой группы лексики особенно полезна для крымскотатарского языка, так как отсутствуют толковые словари, которые наиболее полно отражали бы системные связи единиц данного языка. В существующих переводных лексикографических источниках многозначность представлена очень скудно, тогда как в коммуникативной практике наблюдаются ассоциации, которые, по нашему мнению, должны найти отражение в словарях. Известно, что многозначные слова, нейтральные в основном значении, получают качественно-эмоциональный оттенок при переносном употреблении [4, с. 100]. Так, слово *хораз* 'петух' в основном значении только называет объект и стоящее за ним понятие и стилистически оно нейтрально. Если же данная лексема характеризует человека (*хораз* – 'драчливый человек'), в ее содержании появляется дополнительное экспрессивно-оценочное значение, поскольку выражается отношение говорящего к объекту оценки и осуществляется воздействие на адресата.

В крымскотатарском языке нет достаточного количества специальных научных исследований, в которых с позиций новейших направлений языкознания – этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, когнитивистики и межкультурной языковой коммуникации – освещалась бы национально-культурная специфика переносной семантики различных пластов лексики. Работам, которые посвящены отдельным лексико-тематическим группам в крымскотатарском языке, необходимы систематизация и обобщение.

Цель данной статьи – выявление семантического потенциала крымскотатарских орнитонимов, т.е. возможности появления у них новых значений.

Думается, что результаты исследования будут полезны при дальнейшей разработке и изучении различных аспектов лексико-семантической системы крымскотатарского языка, при составлении словарей и создании научных трудов, посвященных иным лексико-семантическим группам.

Традиционно для определения состава лексико-семантической группы используется метод сплошной выборки из текстов художественной литературы и/или толковых словарей. В связи с отсутствием толковых словарей крымскотатарского языка и недостаточной представленностью глубины семантизации в имеющихся переводных словарях отбор иллюстративного материала осуществлялся из художественных и публицистических текстов, а также путем опроса респондентов и анализа повседневной коммуникации носителей языка. Из указанных источников были отобраны и рассмотрены наиболее часто употребляемые крымскотатарские орнитонимы в свободном и фразеологически связанном употреблении.

В различных научных публикациях наименования лексических групп, элементы которых имеют общую семантику, их объем, принципы выделения и способы компоновки варьируются. Наиболее часто для обозначения таких совокупностей лексических единиц используется термин «лексико-семантическая группа». Основываясь на классификации В. И. Кодухова, мы определяем лексико-семантическую группу как совокупность слов одной части речи и одинаковой предметной направленности, более узкую, чем семантическое поле и более широкую, чем семантический ряд [2].

Категориально-лексическим ядром группы «Орнитонимы» в крымскотатарском языке выступает сема *къуш* 'птица', которая уточняется и конкретизируется в названиях птиц другими (дифференциальными) семами. Слова этой группы представлены преимущественно именами существительными с общим значением «покрытое перьями и пухом позвоночное животное с крыльями, двумя конечностями и клювом» [3, с. 547].

Для исследования семантической стратификации были отобраны исконные тюркские названия и наиболее ранние, полностью ассимилированные крымскотатарским языком, заимствования: *бульбуль* 'соловей', *гогерджин* 'голубь', *къаз* 'гусь', *къартал* 'орел', *папий* 'утка', *тавукъ* 'курица', *торгъай* 'воробей', *турна* 'журавль', *хораз* 'петух', *чипче* 'цыпленок', *эбабиль* / *къарылгъач* 'ласточка', *къаргъа* 'ворона'. Из этих слов переносные значения, зафиксированные в крымскотатарских словарях, имеют лишь лексемы *бульбуль*, *папий*, *хораз*, *чипче*, то есть менее половины отобранных единиц.

Проанализируем семантическую структуру перечисленных выше орнитонимов:

бульбуль 'соловей'

1. Род птиц из отряда воробьинообразных.
2. Образ влюбленного, любви: *Бульбулимни учурдылар, ювасындан къачырдылар, севдигимден айырдылар* 'Выпустили моего соловья, согнали из гнезда, разлучили с любимым' (нар. песн.)
3. Певец с хорошими вокальными данными: *Сабрие Эреджепова къырымтатар халкъынынъ бульбулидир* 'Сабрие Эреджепова – соловей крымскотатарского народа'.

Данные примеры показывают, что лексико-семантические варианты лексемы являются переносными оценочными значениями и используются для характеристики человека путем изменения номинативной функции в номинативно-коннотативную, характеризующую.

Следует отметить, что частотность употребления производных значений орнитонимов разнообразна: одни значения наиболее активно используются в процессе современной коммуникации, другие – реже. Так, на наш взгляд, значение 'влюбленный', применимое к слову *бульбуль*, активно использовавшееся в крымскотатарской поэзии прошлых веков, не реализуется в современной речи.

Хораз 'петух', 'петушиный'

1. Домашняя птица, самец кур, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах.
2. Человек, строящий из себя храбреца, драчливый: *озь чёплюк обасында эр кес хораз* (посл.), букв. 'на своей мусорной куче каждый петух'.
3. Собачка, боек (в оружии).

Как видно из примеров, слово *хораз* в крымскотатарском языке имеет развитую семантическую структуру. Перенос во втором случае осуществляется на основании ассоциации, связанной с основным значением. В указанном значении лексема *хораз* ассоциируется в сознании носителя с понятием 'драчливый'. Следует отметить, что это значение лексемы – связанное, синтаксически обусловленное. Как известно, указанное значение приобретают слова, называющие птиц, животных и др., когда они употреблены для характеристики человека. В рассматриваемом примере слово *хораз*, выступая в роли сказуемого, ассоциируется с нестандартным, чаще плохим характером. Следует отметить, что прозвище жителей отдельных сел Крыма (например, село Керменчик (Высокое) Бахчисарайского района), так же связано с данной оценочной характеристикой. Это значение лексемы явилось производной основой для слова *хоразланмакъ* 'петушиться'.

В третьем значении основанием метафорического переноса является ассоциация по сходству формы и функции: боек в оружии напоминает клюв петуха и его работа ассоциируется с петухом, клюющим зерно.

Кроме того лексема *хораз* 'петух' используется в устойчивом сочетании *хораз тепти* букв. 'петух пнул', которое выражает значение беды, неприятности, а так же в составе ботанического термина *хораз гулю* букв. 'петушинный цветок', 'пион'. Яркая окраска и форма цветка пиона ассоциируются с гребнем петуха.

Паний 'утка'

1. Дикая и домашняя водоплавающая птица средних и небольших размеров с относительно короткой шеей.

2. Ласковое обращение к любимой женщине: *панийчигим* 'душенька моя'.

Лексема *паний* 'утка' входит в состав устойчивого сочетания *шаикъан паний* букв. 'опешившая (очумевшая) утка', которое выражает значение 'потерявший голову человек'.

Как видно из примеров, производные значения орнитонима *паний* имеют как положительную коннотацию, так и отрицательную. С одной стороны, движение утки вперевалку ассоциируется с женской походкой, с другой, суматошное поведение человека напоминает возбужденное поведение этой домашней птицы.

Чипче 'цыпленок'

1. Птенец курицы.

2. Ласковое обращение к маленькому ребенку: *чипчечигим* 'цыпленок мой'.

Перенос наименования осуществлен на основании ассоциации ребенка с птенцом курицы. В рассматриваемом случае выявляется и подчёркивается сходство размера, незащищенности и других признаков соотносимых объектов.

Как видно из примеров, переносные значения орнитонимов в большинстве случаев метафоричны. В основном это зооморфный, точнее, орнитоморфный тип метафоры: название птицы переносится на свойства человека (птица → человек).

Следует отметить, что периферийные значения наиболее употребительных орнитонимов обнаруживают парадигматические связи с единицами других микрогрупп, в частности с зоонимами. Так, в прямом значении слова *чипчечик* 'цыпленочек' и *къозучыкъ* 'ягненок' соотносятся с различными денотатами, однако переносные значения этих слов сближаются, обозначая любимого ребенка. В этом значении сопоставляемые зоонимы являются синонимами.

Орнитонимы в крымскотатарском языке активно используются в составе фразеологических единиц различного типа: *Тавукъ тюшюнде тары коре* (букв. 'курице во сне снится просо'), *серсем тавукъ* (букв. 'глупая курица'), *ала къаргъагъа борджлу* (букв. 'должен пёстрой вороне'), *багъчасыз юрткъа бульбуль къонмаз* (букв. 'в край, где нет сада, соловей не сядет'), *къуш ювасында корьгенини куте* (букв. 'птица делает то, что видит в гнезде'), *къуш козюнден урмакъ* ('бить птицу в глаз'), *турнанынъ къонгъан ерини косьтермек* (букв. 'показать место, куда сел журавль') и др.

Наиболее часто, на наш взгляд, метафоризируются и используются в составе фразеологизмов гипероним *къуш* 'птица' и его видовые составляющие *къаргъа* 'ворона' и *турна* 'журавль', *тавукъ* 'курица', *бульбуль* 'соловей'.

Таким образом, предпринятое исследование показало, что в семантической структуре лексем *бульбуль*, *паний*, *хораз*, *чипче* выделяются не только основные, прямые, но и второстепенные, переносные значения; в некоторых из них – по два и более.

В переносных значениях крымскотатарских орнитонимов присутствует обобщающая сема «человек». Метафорические номинации, построенные по модели птица → человек, характеризуют человека, охватывают все стороны человеческой личности: внешний облик (рост, телосложение и др.), психические свойства (черты характера, темперамент, умственные способности и др.). Анализ материала показал, что в крымскотатарском языке орнитонимы используются и для положительной, и для отрицательной характеристики человека.

Источники и литература:

1. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Высш. шк., 1977. – С. 162-189.
2. Кодухов В. И. Введение в языкознание / В. И. Кодухов. – М. : Просвещение, 1979. – 352 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. изд., 1987. – 797 с.

4. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – 10-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 448 с.
5. Сафина Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.02 / Э. И. Сафина. – Казань, 2005. – 279 с.
6. Юсифов Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.02 / Ю. Г. Юсифов; Азерб. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – Баку, 1985. – 20 с.
7. Sema Barutçu Özönder F. Ali Şir Nevai. Muhakemetül-lügateyn / Sema Barutçu Özönder F. – Ankara : Irmak matbaacılık, 1996. – 244 s.
8. Taner Murat. Kîrîm Tatarca Alem-i Tayyarat / Murat Taner. – CreateSpace, Charleston, SC, USA, 2010. – 180 s.

Гуменюк В.І.

УДК 821.161.2 – 2.09

ЕПІЧНІ АСПЕКТИ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ДРАМИ

(на прикладі п'єси Анатолія Крима «Нелегалка»)

Формуючись у надрах міфологічно-фольклорного синкретизму, драма тривалий час зберігає свою пов'язаність з епічними аспектами. «Оскільки грецька драма, – зазначає С.І. Раддиг, – виникла з пісень хору, хор був спершу її головною й необхідною приналежністю й довго утримувався в ній навіть тоді коли втратив з нею органічний зв'язок» [1, с. 166]. В пізніші часи епічність тією чи іншою мірою не раз давалася взнаки в драматичних творах, скажімо, в хроніках В. Шекспіра чи «Фаусті» Й.В. Гете. І все ж уся історія драма до кінця XIX й початку XX століть проходить під знаком вивільнення з синкретичної багатолітності й аморфності, підпорядкування ліричних та епічних елементів її власним родовим законам. Нова драма в річищі тенденцій модернізму з новою силою апелює до мистецького й родового синкретизму, але своєї родової суверенності при тому аж ніяк не втрачає, чому, наприклад, може служити вельми переконливим свідченням творчість українського драматурга першої половини XX століття Микола Куліша. Думається, це можна сказати й про творця епічної драми Бертольта Брехта. «Переклад драми на мову епосу (а не навпаки), гадаємо, закономірний для Брехта, – пише О.С. Чирков, – він по-своєму логічно завершує процес епізації драми, оскільки епічне, формульоване набуває найвищої гармонії з драматичним, втілюваним» [3, с. 33].

Спіраючись головним чином на теоретичні висловлювання Б.Брехта, І. Фрадкін, таким чином формулює відмінність між традиційним театром та брехтівським: «Брехт розрізняє два види театру: драматичний (чи «арістотелівський») та епічний. Драматичний прагне підкорити емоції глядача, аби той міг відчутти катарсис через страх та співчуття, аби він усією своєю істотою віддався сценічному дійству, співпереживав, хвилювався, втративши відчуття різниці між театральною дією й реальним життям, і відчував би себе не глядачем вистави, а особою, прилученою до справжніх подій. Епічний же театр, навпаки, має апелювати до розуму і вчити, має, розповідаючи глядачеві про певні життєві ситуації й проблеми, дотримуватися при цьому умов, за яких той зберігав би контроль над своїми почуттями та у всеозброєнні ясної свідомості й критичної думки, не піддаючись ілюзіям сценічної дії, спостерігав би, думає, визначав би свою принципову позицію й приймав рішення» [2, с. 11]. Все ж, гадаю, за всіх безперечних новаторських рисах брехтівського театру, важливих та плідних і сьгодні, не варто так рішуче протиставляти його осягнення театрові традиційному. Якщо теоретичні міркування німецького митця й можуть дати певні підстави до такого рішучого протиставлення, то його драматургічна практика значно складніша й вишуканіша, і ця складність та вишуканість не в останню чергу зумовлюється апеляцією не лише до розуму й споглядання, а й до глибоких переживань та потрясінь.

Брехтівські уроки плідно даються взнаки і в сучасній українській драматургії, зокрема в творчості такого її помітного представника як Анатолій Крим.

П'єса – це здебільшого сума подій, які хочеться переповісти, хоч зробити це не завжди просто. Навряд чи тут можуть бути якісь рецепти, але часто що більш довершена п'єса, то важче її переповісти. Спробую переповісти, хоч відразу зазначу, що це не так то й просто, п'єсу А. Крима «Нелегалка». Назва та її розкриття в плінні подій засвідчують, що це п'єса-портрет, портрет неординарної жінки з тяжкою долею, жінки, якій доводиться долати силу-силенну негарздів, що судилися представниці пострадянських теренів рубежу віків і зосібна України. Вона дуже близька до зневіри й розпачу, але знаходить у собі сили не зламатись і всупереч найнестерпнішим обставинам сподіватись на їх подолання. Тендітна, внутрішньо красива й зовні вродлива, прибита горем, але не покірнана йому – такою постає перед нами героїня п'єси. Її постать сприяє піднесенню образності твору до певної символіки, може, навіть патетичності. Але вельми цінно, що вся ця символіка й патетика зовсім непретензійна, не лобова, може тільки вгадуватись у дещо сентиментальній житейській історії, яку драматургічно окреслює автор.

Чи не перша помітна подія в п'єсі – прихід у простору й далеко не вбогу, але поїняту страшенним рейвахом, ледь не запустінням квартиру парубка не перших молодощів Чезаре його товариша Марію, та ще й не самого, а з вродливицею Ніною, прибулою до Італії з України, з країни, яка міститься згідно з уявленнями пересічного італійця „десь між Росією та Японією” (звернімо увагу – в уяві пересічного